ВОСПОМИНАНІЯ О. А. ПРЖЕЦЛАВСКАГО [1]).

Митрополитъ Головинскій

1807—1855.

I.

Знаменитый польскій писатель, Могилевскій архіепископъ, митрополитъ всѣхъ римско-католическихъ въ Россійской имперіи церквей, Игнатій Головинскій, происходилъ изъ древняго дворянскаго рода, но былъ сыномъ бѣдныхъ родителей, жителей Волыни. Образованіе получилъ въ Виленской духовной академіи. По переводѣ ея въ Петербургъ, онъ прибылъ туда, въ 1842 году, для занятія должности ректора оной. Тогда онъ былъ каѳедральнымъ каноникомъ Луцко-Житомирской епархіи и имѣлъ степень магистра богословія. Для помѣщенія академіи отведено было въ 1-й линіи Васильевскаго острова и перестроено, согласно съ новымъ назначеніемъ, зданіе бывшей Россійской академіи.

Занявши этотъ постъ, прелатъ Игнатій съ перваго времени

---

[1]) См. «Воспоминанія тайнаго совѣтника О. А. Пржецлавскаго» въ «Русской Старинѣ» изд. 1872 г., т. V—«Маршалокъ Пусловскій»; изд. 1874 г., т. XI—«Очерки Петербургской жизни», 1818—1832 гг.; изд. 1875 г., т. XIII—«А. С. Шишковъ въ 1824—1828 гг.»; изд. 1878 г., т. XXI и т. XXII—«Князь Ксаверій Друцкой-Любецкой, 1777—1846 гг.»; изд. 1875 г., т. XIV—«Статсъ-секретарь Игнатій Туркулъ, 1797—1857 гг.»; изд. 1875 г., т. XIV—«Цензура въ Россіи въ 1830—1865 гг.»; изд. 1883 г., т. XXXIX—«Бѣглые очерки».

Осипъ Антоновичъ Пржецлавскій род. въ 1799 г., умеръ 10-го декабря 1879 г., въ Твери, на 80-мъ году отъ рожденія. См. о немъ въ «Русской Старинѣ» изд. 1883 г., т. XXXIX, стр. 406. Ред.

оказался на высотѣ положенія. Бывъ знаменитымъ ученымъ, онъ умѣлъ подобрать достойныхъ себѣ помощниковъ. Изъ профессоровъ и другихъ подчиненныхъ ректору, были впослѣдствіи разновременно удостоены епископскаго сана: преосв. Волончевскій, Боровскій, Войткевичъ, Липскій, Ивашкевичъ. При содѣйствіи такихъ помощниковъ, ректоръ успѣлъ возбудить въ воспитанникахъ любовь къ наукѣ, глубокое чувство долга, и, не смотря на свою энергичность и строгость въ нужныхъ случаяхъ,—внушить искреннюю къ себѣ привязанность. И во время своего ректорства, и впослѣдствіи, когда уже былъ епископомъ, а потомъ митрополитомъ, Головинскій занималъ въ академіи каѳедру гомилетики и образовалъ замѣчательныхъ проповѣдниковъ, до самой кончины оставаясь ректоромъ академіи.

Онъ вполнѣ достигъ разрѣшенія задачи своего оффиціальнаго положенія: согласить обязанности къ церкви, къ которой принадлежалъ, съ преданностью законному правительству. Оно имѣло въ немъ всегда ревностнаго слугу, усерднаго дѣятеля. Онъ явилъ на себѣ примѣръ, какъ эти два элемента могутъ быть совмѣстимы, при полной добросовѣстности съ одной стороны, а съ другой, при несостоятельности недобросовѣстныхъ или неразумныхъ покушеній на противодѣйствіе. Эти качества Головинскаго были оцѣнены Государемъ. Николай Павловичъ очень благоволилъ къ нему. Притомъ онъ забавлялъ Государя своею наивною откровенностью, выражаемою полу-русскимъ, полуукраинскимъ жаргономъ.

Головинскій читалъ французскія, нѣмецкія и англійскія книги, но не могъ говорить на этихъ языкахъ. Въ виду того, что по посвященіи его въ суфраганы тогдашняго митрополита, (о чемъ уже происходили трактаціи съ римскою куріей), придется ему имѣть дѣло съ проживавшими въ Петербургѣ иностранцами, онъ сознавалъ необходимость выучиться говорить по французски. Мы, приближенные, посовѣтовали ему распредѣлить вечера такъ, чтобы бывать по очереди въ нашихъ домахъ, гдѣ не должно быть другаго разговора какъ французскій. Начала языка преподавалъ ему учитель, а для практики, всѣми любимый и уважаемый, сановитый ученикъ проводилъ вечера въ домахъ генерала Штюрмера, графа Генриха Ржевускаго, г-жи Станцани, доктора Мяновскаго и моемъ. Мы поправляли его, иногда забав-

ныя, солецизмы, никто однакожъ при этомъ не позволялъ себѣ даже улыбнуться, не смотря на то, что имъ это было разрѣшено. Послѣ трехъ-мѣсячной практики, Головинскій могъ уже объясняться свободно; у него была удивительная память, онъ нарочно разнообразилъ предметы бесѣдъ и помнилъ всѣ сдѣланныя ему замѣчанія на ошибки.

Изъ Луцка, гдѣ былъ каѳедральнымъ каноникомъ, Головинскій совершилъ, въ 1839 году, путешествіе въ Іерусалимъ. Тамъ, какъ прелатъ, онъ служилъ литургіи на всѣхъ святыхъ мѣстахъ. Наиболѣе выдающееся изъ его сочиненій есть описаніе этого странствованія, изданное въ пяти томахъ въ 1842—1845 годахъ. Для бо̀льшей свободы въ изліяніи оживлявшихъ его на святой землѣ чувствъ, онъ далъ своей книгѣ форму письма къ брату. Это безспорно самое обстоятельное и самое оживленное изъ всѣхъ сочиненій объ этомъ предметѣ, которыя намъ случилось читать. Этотъ эпизодъ жизни остался для Головинскаго навсегда дражайшимъ воспоминаніемъ. Въ квартирѣ въ Петербургѣ, покои его были убраны произведеніями роскошной растительности, которую созерцалъ на мѣстѣ. Пальмы, особенно прекрасные экземпляры Canna galilaea, онъ лелѣялъ съ любовью. При обширномъ умѣ и большой учености, это была чувствительная, глубоко поэтическая натура: качества рѣдко встрѣчаемыя вмѣстѣ.

Головинскій написалъ много, въ томъ числѣ стихотвореній. Таковы Легенды, собранныя изъ простонародныхъ, преимущественно польскихъ, литовскихъ и малороссійскихъ повѣрій; Іисусъ Младенецъ—собраніе народныхъ сказаній, а также преданій изъ апокрифныхъ евангелій, о Божественномъ Отрокѣ и о Богородицѣ, Церковные Гимны. Въ этихъ стихотвореніяхъ много истинной поэзіи.

Въ прозѣ: Путешествіе по святой Землѣ; Разные мелкіе труды; Рахиль, повѣсть; Сочиненія жеготы Костровеца (его-же псевдонимъ). Сюда вошли и переводы бѣлыми стихами Шекспировыхъ піесъ: «Гамлетъ» и «Ромео и Джіуліетта», сдѣланные въ молодости; Рѣчи надгробныя; Воскресныя и праздничныя проповѣди; Мѣсяцъ Май [1];

---

[1]) Надо замѣтить, что этотъ мѣсяцъ у католиковъ посвященъ культу Богородицы и что во все его продолженіе, производятся особенныя службы въ честь пресвятой Маріи. О. П.

Гомилётика. Все это на польскомъ языкѣ, на русскомъ же: Акты и грамоты объ устройствѣ римско-католической церкви.

Въ послѣдніе годы жизни Головинскій предпринялъ обширный трудъ: «Новыя комментаріи на Библію». Я не знаю какъ далеко онъ зашелъ въ этой работѣ, но эти комментаріи напечатаны не были. Извѣстно, что въ послѣднее время, вслѣдствіе геологическихъ изысканій и открытій Кювье (Cuvier), особенно по выходѣ сочиненія ученаго кардинала Уайсмана (Wieseman) «О согласіи науки съ священнымъ писаніемъ», также вслѣдствіе болѣе тщательнаго перевода Библіи, взгляды католическихъ богослововъ на нѣкоторыя мѣста ея, и именно первой книги, значительно противъ прежняго буквальнаго пониманія измѣнились. Взгляды эти были усвоены и Головинскимъ; онъ намъ прочитывалъ первыя главы своего сочиненія.

Кромѣ исчисленныхъ литературныхъ его трудовъ, онъ, со времени прибытія въ столицу, былъ почти постояннымъ сотрудникомъ издаваемой мною съ 1830 по 1859 годъ политико-литературной газеты на польскомъ языкѣ. Однѣ статьи его подписаны его же именемъ, другія псевдонимомъ: «Костровецъ». Наиболѣе замѣчательны изъ нихъ: разборы новыхъ беллетристическихъ и ученыхъ сочиненій на разныхъ языкахъ. Оцѣнки эти отличались высшими взглядами, зрѣлостью и проницательностью суда, —этими необходимыми качествами истинно полезной критики. Головинскій былъ постоянно въ письменныхъ сношеніяхъ съ пребывающею въ Варшавѣ г-жею Земенцкой, и его совѣты съ пользою отражались въ сочиненіяхъ этой знаменитой писательницы.

Въ одномъ изъ сборниковъ сочиненій Головинскаго, изданномъ въ 1844 году, выдающееся мѣсто занимаетъ «Жизнеописаніе матери». Тутъ онъ съ глубокою сыновнею любовью разсказываетъ подробности «борьбы за существованіе» матери-вдовы, оставшейся въ крайней бѣдности съ малолѣтними дѣтьми и сознававшей необходимость дать имъ приличное воспитаніе. Она работала день и ночь, поддерживаемая въ этой борьбѣ упованіемъ на Бога, новторяемымъ пѣніемъ извѣстнаго гимна «Къ Промыслу», и Богъ выслушалъ ее. Ничто не можетъ быть трогательнѣе этого разсказа и ничто лучше не характеризуетъ прекрасной души знаменитаго сановника церкви.

Къ проявленіямъ неутомимой умственной дѣятельности его слѣдуетъ причислить и проповѣди, провозглашаемыя почти во всѣ большіе праздники въ петербургскихъ католическихъ церквахъ. Онъ проповѣдывалъ и бывши уже митрополитомъ, въ пурпуровомъ облаченіи, присвоенномъ сану Могилевскаго архіепископа. Онъ никогда не читалъ своихъ рѣчей, обыкновенно длившихся болѣе часа; это были образцовыя произведенія духовнаго краснорѣчія. Впечатлѣнію ихъ на слушателей много способствовала величественная декламація, благородная, красивая наружность проповѣдника. Умное его лицо представляло поразительное сходство съ лицомъ Наполеона I, особенно того времени, когда онъ не былъ еще императоромъ. Извѣстный портретъ генерала Бонапарте на мосту при Аркола былъ такъ похожъ на Головинскаго, что еслибы не различіе костюмовъ, то можно было принять его за портретъ послѣдняго.

Въ другомъ мѣстѣ я сказалъ нѣсколько словъ объ отношеніяхъ преосв. Игнатія къ намъ, его духовнымъ сынамъ [1]. Я повторю здѣсь эти слова: «Строгій пастырь на своемъ архіепископскомъ креслѣ, онъ былъ веселый, умный собесѣдникъ въ интимномъ кружкѣ, который самъ собой составился около него».

Въ этомъ кружкѣ, могу, отложа излишнюю скромность, сказать, что я пользовался особенною симпатіею Головинскаго и въ первое время пребыванія его и по достиженіи имъ высокаго духовнаго сана. Онъ относился ко мнѣ какъ къ любимому сыну и допускалъ къ откровеннымъ объясненіямъ моихъ убѣжденій, конечно, въ предѣлахъ относительныхъ нашихъ положеній. Такъ, зная, что я когда-то былъ масономъ, мой сановитый другъ часто заводилъ разговоръ объ орденѣ; ему хотѣлось вывѣдать отъ меня самую суть дѣла. Это было невозможно, какъ знаютъ бывшіе масоны; они даже на духу не въ состояніи передать все, что составляетъ эту суть. Вотъ это-то и было предметомъ нашихъ словопреній. Преосв. Игнатій, исповѣдывавшій многихъ раскаявшихся масоновъ, былъ увѣренъ, что постигъ уже все касающееся ордена. Я же утверждалъ, что посредствомъ даже самой искренней исповѣди возможно узнать лишь несущественныя стороны вопроса. Это требуетъ объясненія.

---

[1] Воспом. о Туркулѣ. «Русск. Стар.» изд. 1875 г., т. XIV, стр. 681—714.

А тутъ я долженъ сказать нѣчто такое, что покажется неудобопонятнымъ профану, а будетъ легко понято всякимъ членомъ мистическаго общества. Можно разсказать все, что прямо или косвенно стало кому нибудь извѣстнымъ о той или другой отрасли масонства, (ихъ нѣсколько). Даже кто либо самъ изъ масоновъ, хотя бы самой высшей степени, можетъ объявить все, что знаетъ, и это будетъ достаточно для познанія символики, обрядности и, до извѣстной степени, тенденціи общества. Но все это знаніе будетъ лишь поверхностное, оно останется недостаточнымъ для того, чтобы не-масонъ могъ усвоить себѣ настоящій духъ ордена и одною силою логичныхъ выводовъ изъ такихъ данныхъ уразумѣть внутреннее состояніе самого адепта.

Однимъ словомъ, я хочу сказать, что никакой разсказъ не можетъ замѣнить иниціяціи, то-есть, полнаго обряднаго посвященія въ тайны. То же самое относится ко всѣмъ родамъ подобнаго дѣйствія внѣшнихъ обрядовъ на внутренняго человѣка. Такъ, напримѣръ, (si profana licet componere sacris), язычникъ, магометанинъ или еврей можетъ изучить въ совершенствѣ христіанскую доктрину, хотя бы все, что требуется для полученія степени доктора богословія, а за всѣмъ тѣмъ, даже при твердомъ вѣрованіи, онъ не усвоитъ себѣ истиннаго духа христіанизма, не сдѣлается настоящимъ членомъ тѣла церкви, какъ невѣсты Христовой, пока не подвергнется иниціяціи, пока надъ нимъ не будетъ совершено таинство крещенія. То же самое примѣняется къ рукоположенію въ священники и къ освященію епископовъ. Все это иниціяція и она понимается не иначе, какъ чрезъ наитіе Духа—въ священныхъ обрядахъ Святаго, въ другихъ инаго, но всегда духа, дѣйствующаго на субъектъ извнѣ.

Вотъ что я представлялъ митрополиту Игнатію; онъ меня понялъ и согласился, что дабы вполнѣ уразумѣть масонство, надо быть самому масономъ.

II.

Въ 1848 году ректоръ академіи былъ назначенъ и освященъ епископомъ Каристіенскимъ, въ странѣ невѣрныхъ, (in partibus infidelium), и коадъюторомъ (помощникомъ) тогдашняго митрополита Казиміра (Дмоховскаго) съ правомъ преемства по немъ, (cum jure successionis) [1]).

Преосвящ. Казиміръ, бывшій тогда уже въ преклонныхъ лѣтахъ, вскорѣ потомъ умеръ.

Извѣстно, что, по установленному порядку, всякій разъ, когда кто изъ сановниковъ, по возвращеніи изъ отсутствія, вступаетъ въ должность, то обязанъ испрашивать на то высочайшее соизволеніе. Преосв. Головинскій полагалъ, что его случай не подходитъ подъ это правило, что за силою высочайшаго соизволенія на буллу, назначавшую его преемникомъ митрополита, онъ, со смертью послѣдняго, ipso facto вступаетъ во всѣ права покойнаго и что не слѣдуетъ утруждать Государя испрашиваніемъ особаго на то повелѣнія. Поэтому преосвящ. Игнатій, на сообщеніи министру внутр. дѣлъ о послѣдовавшей кончинѣ митрополита Казиміра, подписался полнымъ титуломъ архіепископа Могилевскаго, митрополита всѣхъ римско-католическихъ въ Россійской имперіи церквей.

Въ то время Головинскій былъ уже въ болѣе чѣмъ холодныхъ отношеніяхъ съ директоромъ департамента иностранныхъ исповѣданій Скрыпицынымъ [2]). Этому поводомъ было слѣдующее обстоятельство. Головинскій съ нѣкотораго времени сталъ замѣчать, что, помимо его, ректора, Валерій Валеріевичъ Скрыпицынъ вмѣшивается въ его управленіе духовной академіею. Онъ вызываетъ къ себѣ профессоровъ, дѣлаетъ имъ замѣчанія и вникаетъ даже въ такія подробности матерьяльнаго завѣдыванія учрежденіемъ, которыя не могли подлежать контролю департамента. Разъ,

---

[1]) По общему правилу епископъ долженъ имѣть степень доктора богословія. Для Головинскаго, бывшаго только магистромъ, папа допустилъ исключеніе какъ по уваженію его богословскихъ сочиненій, такъ и потому, что степень доктора могла быть ему признана только той духовной академіей, которой самъ онъ былъ ректоромъ.

[2]) Характеристика его изображена въ воспоминаніяхъ моихъ о Туркулѣ, «Русская Старина» изд. 1875 г., т. XIV, стр. 684—714. О. П.

когда Головинскій возвратился изъ какой-то поѣздки, швейцаръ пожаловался ему, что заѣзжавшій въ его отсутствіе Скрыпицынъ, вѣроятно разсердясь за то, что не засталъ ректора дома, обругалъ всю прислугу за какой-то замѣченный имъ мнимый безпорядокъ въ освѣщеніи корридоровъ. Головинскій положилъ себѣ дать почувствовать непрошенному наблюдателю порядка неумѣстность его вмѣшательства: бывши на вечернемъ чаѣ у одного изъ членовъ духовной коллегіи, гдѣ, въ числѣ гостей, былъ и Скрыпицынъ, ректоръ, обратясь къ нему, сказалъ:

— «В. пр-во, вы были такъ добры, что, заѣхавши на дняхъ ко мнѣ, хорошенько побранили моего швейцара и сторожей за какую-то неисправность. Я очень вамъ благодаренъ и прошу заѣзжать почаще въ академію, чтобы держать этихъ лѣнтяевъ въ субординаціи, а мои корридоры въ исправности».

Скрыпицынъ сконфузился, отвѣчалъ что-то не кстати, но никогда не простилъ Головинскому его горькой ироніи. Послѣдствіемъ этого, вѣроятно, было то, что случилось.

По полученіи министромъ внутр. дѣлъ упомянутаго сообщенія о кончинѣ митрополита Дмоховскаго, сдѣлано было Головинскому замѣчаніе и отъ имени Государя объявлено, чтобы онъ управлялъ архіепархіею, но не титуловался митрополитомъ впредь до повелѣнія.

Духовнымъ, возводимымъ въ санъ архіепископа, папа присылаетъ при буллѣ, такъ называемый, палліумъ (pallium). Это родъ воротника, съ кистями, висящими спереди и сзади, и съ черными крестами, въ которыхъ зашиты мощи. Палліумъ надѣвается только для торжественнаго богослуженія и носится пониже шеи, поверхъ облаченія. Онъ вытканъ изъ шерсти бѣлыхъ ягнятъ и только одинъ женскій монастырь въ папскихъ владѣніяхъ имѣетъ привиллегію на это издѣліе.

Такой знакъ архіепископскаго сана присланъ былъ для преосв. Игнатія, изъ римской куріи, чрезъ нашего посланника, въ министерство внутреннихъ дѣлъ. По всеподданнѣйшему объ этомъ докладу, Государь велѣлъ доставить палліумъ къ себѣ, въ Царское Село, гдѣ тогда изволилъ проводить лѣто. Прошло немало времени; наконецъ, Императоръ велѣлъ вызвать къ себѣ Головинскаго, и сказавъ ему нѣсколько милостивыхъ словъ, что хотѣлъ лично отдать этотъ символъ высокаго сана, вручилъ ему

палліумъ. По этому случаю была большая церемонія въ церкви св. Екатерины, гдѣ, при большомъ стеченіи народа, два, нарочно для этого вызванные, епископа торжественно возложили даръ церкви на молодаго, всѣми любимаго, архипастыря.

Въ Воспоминаніяхъ о Туркулѣ [1]) я упомянулъ о столкновеніяхъ, часто случавшихся между управленіемъ духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій и католическимъ духовенствомъ. Я тамъ сказалъ, что эти столкновенія были слѣдствіемъ недоразумѣній, происходившихъ отъ недостаточнаго знанія этимъ управленіемъ каноническихъ уставовъ р.-католической церкви. Отъ этого возникали такія требованія, на которыя духовенство не могло отвѣчать иначе, какъ словами Пія IX: «non possumus». Такимъ образомъ оно всякій разъ навлекало на себя безвинно упрекъ въ какой-то неразумной оппозиціи. Вотъ для примѣра случай съ Головинскимъ, котораго покорность и преданность правительству не подлежала сомнѣнію.

По недостаточному знанію языка, онъ обыкновенно обращался ко мнѣ, когда ему нужно было въ важнѣйшихъ дѣлахъ написать что нибудь по русски. Разъ, бывши уже митрополитомъ, пріѣзжаетъ крайне разстроенный. Онъ получилъ отъ министра внутр. дѣлъ бумагу, въ которой объявляется ему, исходатайствованное военнымъ министромъ, слѣдующее высочайшее повелѣніе: Для квартирующихъ въ Царствѣ Польскомъ войскъ, онъ, митрополитъ, имѣетъ, изъ священниковъ, окончившихъ курсъ въ академіи, избрать четырехъ, на (мѣста) дивизіонныхъ священниковъ и отправить ихъ въ Варшаву, гдѣ они будутъ распредѣлены по войскамъ, но съ тѣмъ, что должны оставаться въ полной зависимости отъ него, митрополита, безъ всякаго подчиненія ихъ власти мѣстныхъ епархіальныхъ епископовъ.

Тутъ высокопреосвященный разсказалъ мнѣ, какъ строго власть епископовъ опредѣлена каноническими законами. Никакой духовный, даже епископъ или архіепископъ, находясь въ чужой епархіи, не можетъ отслужить обѣдни, или совершить какія бы то ни было требы, безъ позволенія мѣстнаго епископа. Нарушеніе этого правила наказывается устраненіемъ духовнаго отъ преимуществъ его сана, (suspensio). «Итакъ, (говорилъ онъ), моя провинція состоитъ изъ шести епархій, всѣ ихъ епископы —

[1]) «Русская Старина» изд. 1875 г., т. XIV, стр. 684—714.

мои суфраганы, но у себя они такъ полновластны, что еслибы я, найдясь, напримѣръ, въ Вильнѣ, Минскѣ или Каменцѣ, позволилъ себѣ, не спросивъ на то согласія мѣстнаго епископа, отслужить тамъ литургію, или хотя исповѣдывать кого нибудь, даже прихожанина собственной моей Могилевской паствы, то за одно это, (ipso facto), лишаюсь архіепископскаго и даже священническаго сана. То же самое случилось-бы со мною, еслибы я въ чужихъ епархіяхъ имѣлъ священниковъ, подчиненныхъ непосредственно мнѣ, помимо мѣстной духовной власти. Теперь вотъ мое положеніе: если я сдѣлаю требуемое распоряженіе, то, во 1-хъ, оно ни для кого не будетъ канонически обязательнымъ, а во 2-хъ—отрекусь отъ моего сана, который ношу по волѣ Государя и потому не могу оставить его самопроизвольно, безъ нарушенія вѣрноподданническаго долга. Вотъ безъисходная дилемма, въ которую я поставленъ по милости того, кто испросилъ повелѣніе, не справясь сперва—возможно ли будетъ выполнить его!»

Результатъ совѣщанія былъ тотъ, что мы съ митрополитомъ составили оффиціальное письмо къ министру графу Перовскому, съ изложеніемъ всего вышесказаннаго, и тутъ же были прописаны подлинные латинскіе, съ переводомъ, тексты относящихся къ дѣлу церковныхъ уставовъ. Письмо оканчивалось просьбою повергнуть его на всемилостивѣйшее воззрѣніе.

Это было исполнено и проектируемое распоряженіе отмѣнено.

Въ организмѣ Головинскаго былъ зародышъ смертельной болѣзни, но до 1855 года онъ оставался какъ-бы въ инкубаціи. Это былъ скирръ въ желудкѣ. Лѣтомъ этого года болѣзнь развилась вполнѣ. Высокопреосвященный страдалъ несказанно, однакожъ до послѣдней минуты сохранилъ полное сознаніе. Я навѣщалъ его каждый день.

13 октября 1855 года, утромъ я, заѣхалъ къ нему. Въ комнатахъ засталъ профессоровъ академіи и много воспитанниковъ; всѣ въ слезахъ. Сказали, что митрополитъ очень плохъ. Къ нему нельзя было войти, тамъ былъ докторъ Мяновскій. Вдругъ онъ выбѣгаетъ изъ комнаты больнаго и, увидѣвши меня, восклицаетъ: «Ахъ, вы здѣсь, какое счастіе! только что хотѣлъ послать за вами». Тутъ, отведя меня въ сторону Мяновскій, говоритъ:

— «Архіепископъ сегодня или въ эту ночь умретъ. Для успо-

коенія его на счетъ будущности церкви, нужно, чтобы онъ, такъ хорошо знающій людей, самъ заявилъ, кого изъ епископовъ признаетъ наиболѣе достойнымъ быть его преемникомъ. Онъ уже объ васъ спрашивалъ, вѣрно хочетъ, чтобы вы были свидѣтелемъ его послѣдней воли. Онъ въ полномъ сознаніи, но очень слабъ. Пойдемте».

Мы вошли: больной страшно стоналъ; сидѣлками при немъ были двѣ дамы: жена его брата и г-жа Станцани. Онѣ хотѣли удалиться, но Мяновскій ихъ остановилъ, говоря, что тутъ нѣтъ никакого секрета. Мы подошли къ смертному одру. Больной узналъ меня и благодарилъ. Тогда Мяновскій спросилъ его, кого желалъ-бы онъ имѣть своимъ преемникомъ? Но какъ больному трудно было говорить, то мы стали называть епископовъ. Когда по очереди назвали Виленскаго, Жилинскаго, то умирающій сказалъ: «да, да, его; онъ умный и grata persona для правительства». Затѣмъ я спросилъ, можетъ ли онъ подписать всеподданнѣйшее письмо съ изображеніемъ его желанія и отзывъ къ министру съ препровожденіемъ этого письма? Больной сказалъ, что можетъ. Я тотчасъ изготовилъ обѣ бумаги. Отношеніе къ министру было кое-какъ подписано, но на прошеніи Государю умирающій подписался не параллельно къ строкамъ, а вертикально, сверху внизъ. Мы тотчасъ отправили бумаги къ министру Сергѣю Степановичу Ланскому.

Вечеромъ тогожъ дня митрополитъ скончался; ему было 48 лѣтъ.

Министръ призывалъ къ себѣ Мяновскаго и меня, каждаго отдѣльно допрашивалъ о дѣйствительности воли покойнаго и о подлинности подписей и съ насъ взялъ въ этомъ подписки.

Вскорѣ потомъ Могилевскимъ архіепископомъ, митрополитомъ всѣхъ римско-католическихъ въ Россійской имперіи церквей, назначенъ былъ Виленскій епископъ Вѣнцеславъ Жилинскій.

О. А. Пржецлавскій.

8 апрѣля 1876 г. Спб.